

Коррупционное злоупотребление правом в избирательном процессе

Акунченко Е. А.¹

Ключевые слова: злоупотребление полномочиями, избирательный процесс, выборы, дефекты законодательства, коррупциогенный фактор, антикоррупционная экспертиза, подкуп избирателей, технический кандидат.

Аннотация. В статье рассматривается феномен злонамеренной реализации субъективных прав в его коррупционном понимании. В результате проведенного анализа существующих доктринальных представлений о данном явлении и актуальных примеров правоприменительной практики выделены основные характерные черты, а также сформулировано определение коррупционного злоупотребления правом в избирательном процессе. По мнению автора, указанная девиация электорального поведения является следствием коррупциогенности норм законодательства о выборах, выявление и устранение которой призвано стать действенным средством защиты избирательных отношений от противоправных посягательств.

DOI: 10.21681/2412-8163-2017-1-34-40

Приходится констатировать, что на протяжении последних лет изучение коррупции в избирательном процессе проводится в аспекте политической (реже электоральной) преступности и в большинстве своем сфокусировано на проблемах подкупа различных субъектов избирательных отношений. Вместе с тем, как справедливо указывает П.А. Кабанов, это «более сложное, многоликое и многогранное негативное социальное политико-правовое явление, связанное с противоправной коррупционной деятельностью» [9, с. 401], которое, на наш взгляд, не ограничено составом административного правонарушения или уголовного преступления. Значительная часть деяний, направленных на причинение вреда субъектам избирательных отношений, формально не противоречит нормативным предписаниям в силу дефектности норм законодательства о выборах. По существу, подобные действия (бездействие) представляют собой *злоупотребление правом*, которое может рассматриваться как форма коррупции в избирательном процессе.

Феномен реализации субъективных прав «во зло» долгое время находится под пристальным вниманием научного сообщества. Получив широкое распространение в большинстве сфер правового регулирования, он приобрел ярко выраженные де-

структивные свойства. Неслучайно, что злоупотребление правом упоминается в числе основных угроз современному конституционализму [3, с. 581].

При значительном количестве работ, посвященных проблемам злоупотребления правом в избирательном процессе [1–2; 12–18; 20–21], на сегодняшний день в доктрине не выработан единый подход к понятию о данном явлении, а вопрос о его коррупционном аспекте и вовсе не нашел отражения в научных исследованиях. Анализ предложенных в научной литературе дефиниций позволяет выделить некоторые дискуссионные вопросы, от ответов на которые зависит определение свойств злоупотребления правом в избирательном процессе.

Первый дискуссионный вопрос заключается в том, какое осуществление прав признавать злоупотреблением и чем оно отличается от правомерного и (или) противоправного поведения. Мнения ученых на данный счет разделились. С одной стороны, злоупотребление избирательными правами представляется как вид конституционного правонарушения (М.Ю. Куликов, Д.В. Орлов), которое выступает основанием конституционно-правовой ответственности организаторов и участников выборов (М.С. Матейкович). Согласно иной позиции, рассматриваемое явление формально не составляет правонарушения (И.В. Советников) и заключается в использовании права без явного нарушения закона, но вместе с тем влечет нарушение

¹ Акунченко Евгений Андреевич, старший преподаватель кафедры деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета, член Избирательной комиссии Красноярского края с правом решающего голоса, Российская Федерация, г. Красноярск.

E-mail: eakunchenko@sfu-kras.ru

прав иных субъектов избирательного процесса (А.А. Макарец).

Поддерживая второй подход, отметим, что злоупотребление правом с формальной точки зрения представляет собой законное деяние. Оно возможно лишь тогда, когда управомоченное лицо действует (бездействует) в рамках установленных законом запретов, в случае их преодоления будет совершено правонарушение. Как указывает Л.А. Шарнина, «устанавливая подобного рода запреты, право обозначает естественные границы субъективного права, которое здоровое правосознание способно почувствовать и без внешних формализованных средств, но которые нуждаются в закреплении для гарантирования прав других лиц и защиты общественных интересов» [23, с. 10]. По сути, осознанный выход за пределы обозначенных, но необеспеченных правовыми средствами границ субъективного права составляет существо реализации права «во зло».

Рассматриваемое деяние не вступает в явное противоречие с положениями законодательства о выборах, несмотря на фактически противоправный характер. По своей природе видимость правомерности злоупотребления в качестве формального основания предопределяет «слабо конкретизированное нормативно-правовое регулирование, не позволяющее ясно определить допустимые правовые возможности и основания их реализации» [23, с. 11], которое иначе также именуют как возникающую в ходе избирательного процесса «правовую неопределенность» [14, с. 24]. В ее обнаружении и последующем устранении проявляется динамика механизма охраны избирательных отношений: «в законе закрепляется право – кто-то таким правом злоупотребляет – личным или общественным интересам причиняется вред – законодатель устанавливает соответствующее ограничение» [21, с. 55]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет об идеальной нормативной картине, в рамках которой «правильные комбинации и соотношения норм обеспечивают комплексное и согласованное правовое регулирование» [11, с. 50]. Применительно к нему вопрос о злоупотреблении правом необходимо рассматривать в плоскости допустимых пределов правовой регламентации.

В действительности же несовершенство юридической техники приводит к возникновению дефектов, которые служат своеобразной «лазейкой» для лиц, намеренных злоупотребить своим субъективным правом. Иногда на практике даже не здоровое, а профессиональное правосознание не в состоянии достоверно определить модель поведения, которая ожидается от субъекта правоотношений. Такие содержательные ошибки, как неопределен-

ность субъектов, на которых рассчитаны правовые предписания; неопределенность их прав и обязанностей; неурегулированность сопутствующих вопросов, возникающих в ходе реализации норм; неопределенность санкций, применяемых вследствие нарушения нормы; ошибки используемых понятий и другие [11, с. 51] предопределяют вариант реализации права, деформированный и противоречащий его предназначению.

Рассматривая злоупотребление правом в избирательном процессе сквозь призму коррупционных отношений, необходимо поддержать позицию о том, что «коррупциогенность правовых норм наряду с пробелами и коллизиями выступает одним из дефектов в избирательном праве» [22, с. 107]. Указанные дефекты необходимо расценивать как коррупциогенные факторы законодательства о выборах, под которыми в общем виде можно понимать «существенные обстоятельства, способствующие возникновению или стимулированию коррупционной мотивации и поведения субъектов избирательной кампании» [10, с. 41]. Их выявление и устранение входит в число приоритетных задач национальной политики противодействия коррупции и составляет основу антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов.

Отметим, что в настоящей работе мы используем определение коррупциогенных факторов, которое гораздо шире по своему содержанию, чем аналогичное определение, закрепленное в части 2 статьи 1 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»². Данный факт вызван тем, что в соответствии с логикой законодателя коррупция имеет место лишь в рамках взаимодействия правоприменителя и гражданина (организации), когда правам и законным интересам последних причиняется вред. На деле не только представители власти, но и сами управомоченные субъекты в силу дефектности норм законодательства о выборах зачастую способны причинить вред другим субъектам избирательного процесса.

Так, например, в национальной электоральной практике не установлена юридическая ответственность за «продажу» гражданином своего голоса при наличии таковой за действия, направленные на подкуп избирателей. Неоднозначность трактовки «свободы волеизъявления» позволяет носителям активного избирательного права полагать, что выражение своих политических предпо-

² Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 29. Ст. 3609.

чений можно успешно совместить с извлечением материальной выгоды. В науке высказывается множество подходов к возможному ограничению действий избирателей по продаже своих голосов вплоть до установления за их совершение административной [4, с. 13; 8, с. 27] и даже уголовной [24, с. 89–92] ответственности. Принимая во внимание то, что уголовным законодательством в качестве субъектов преступления признаются обе стороны коррупционной сделки, вопрос об ограничении действий по продаже голосов заслуживает пристального внимания.

Второй дискуссионный вопрос относится к осознанности деяний субъекта злоупотребления правом. В литературе достаточно часто встречается указание как на умышленный (М.Ю. Куликов, И.В. Советников), так и на неосторожный (Д.В. Орлов) или неумышленный (А.А. Макарецев) характер подобного поведения. Приведенные подходы основаны на утверждении о том, что расхождение цели, для достижения которой создан определенный правовой институт, и цели, которая преследуется управомоченным лицом при осуществлении субъективного права, не всегда будет лежать в основе злоупотребления правом.

Действительно, противопоставляя общественные интересы, интересы отдельных участников общественных отношений своим собственным, лицо злоупотребляет правом. Установить назначение конкретного права можно, руководствуясь общими и отраслевыми принципами права, а также исходя из целей определенного института избирательного права. При этом, оценивая действия субъекта правоотношений на предмет злоупотребления правом, необходимо использовать «критерий добросовестности и разумности» [23, с. 12] целей таких действий и выбранных средств их достижения.

По мнению исследователей, необходимым признаком реализации права «во зло» должно являться наличие в деянии лица психической активности в форме *умысла*, поскольку действия, совершаемые неосознанно или случайно, не могут быть определены в качестве злоупотреблений. Степень осознания субъектом противоправности своего поведения может различаться, поэтому умысел при злоупотреблении правом следует подразделять на *прямой*, когда «лицо использует свое право в противоречии с его назначением исключительно в целях причинения вреда другому лицу», и *косвенный*, когда «лицо, совершая указанное деяние, преследует еще какие-либо цели» [21, с. 63–64].

Полагаем, что данная градация степени осознанности формально законных, но не соответствующих целям права действий, в рамках избиратель-

ного процесса является избыточной. Умысел, как форма вины, имеет в уголовно-правовой науке традиционное понимание и выступает в качестве обязательной, но не единственной характеристики субъективной стороны состава преступления. В связи с чем, использование понятийного аппарата, разработанного в иной области права, не может быть «лоскутным». Если предпринять попытку аналогии одного понятия, то она вынуждено повлечет за собой необходимость внедрения в правовую конструкцию других взаимосвязанных категорий. Тем самым, при наличии умысла в качестве обязательного признака злоупотребления правом в избирательном процессе нам также придется определять мотив, из которого она возникает, и так далее.

В случае злоупотребления правом нарушенный нормативно-правовых предписаний не происходит. Полагаем, что для квалификации деяния в качестве такового не существует и принципиальной разницы между целями, которые преследует в своих действиях лицо, если они расходятся с предназначением права. Так, например, вынесенный из избирательного участка бюллетень может быть оставлен на память, а не использован для организации «избирательной карусели». Но при этом такое поведение избирателя необходимо признавать в качестве злоупотребления, поскольку оно все равно несет в себе угрозу избирательным отношениям, предметно оценить которую с точки зрения воли возможно лишь в случае его деликтолизации. Тем самым, различные аспекты психической активности субъекта злоупотребления правом должны соединяться в рамках одной категории – цель. И тогда, когда она соответствует предназначению определенного правового института, действия лица в качестве злоупотребления правом признавать нельзя.

Рассматривая коррупционный аспект злоупотребления правом в избирательном процессе, необходимо подчеркнуть, что цель, которую преследует субъект избирательных отношений, будет иметь самостоятельное, коррупционное содержание. В соответствии с легальным определением коррупции, которое закреплено в статье 1 Федерального закона «О противодействии коррупции»³, целью коррупционных действий является получение имущественной выгоды для себя и (или) для третьих лиц вопреки законным интересам общества и государства. Однако системное толкование положений международных правовых актов и национального законодательства в сфере противодействия коррупции дает основания полагать, что цель корруп-

³ О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52. Ч. 1. Ст. 6228.

ции в избирательном процессе может включать также извлечение нематериальной выгоды. Подобная цель может варьироваться в зависимости от статуса субъекта коррупционных отношений и существующих коррупционных рисков, но при этом всегда будет лежать в основе коррупционных действий, в том числе возникающих в избирательном процессе. И, что немаловажно, если участник выборов злоупотребляет правом, то она будет противоречить цели, которая заложена в электоральном нормативном правовом акте. «Сущность коррупции, – замечает Е.В. Охотский, – заключается в злоупотреблении общественным доверием для получения неоправданных личных выгод и преимуществ в результате неофициального использования имеющихся правовых и социально-статусных возможностей» [19, с. 31].

Превышение меры возможного поведения субъектом избирательных отношений в случае, если оно противоречит законным интересам общества и государства (целям определенного института избирательного права) и направлено на извлечение материальной и (или) нематериальной выгоды для себя и (или) третьих лиц, потенциально может быть квалифицировано в качестве коррупционного злоупотребления правом в избирательном процессе. Однако данное следствие будет истинным, если мы выделим еще один существенный признак – *служебное положение, специальный правовой статус* субъектов коррупции в избирательном процессе [5, с. 98].

При рассмотрении указанного признака мы неизбежно сталкиваемся с проблемой определения перечня лиц, которые могут быть субъектами коррупционных отношений. Поддерживая широкую трактовку положений Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции [25], полагаем, что таковым может являться лицо, имеющее публичный статус, а именно выполняющие публичную функцию и (или) оказывающие публичную услугу.

К числу субъектов коррупции в избирательном процессе следует относить, *во-первых*, членов избирательных комиссий с правом решающего (совещательного) голоса; организации, осуществляющие выпуск СМИ (их представителей); лиц, замещающих государственные (выборные муниципальные) должности; лиц, находящихся на государственной (муниципальной) службе; лиц, являющихся членами органов управления организаций и, *во-вторых*, кандидатов (избирательные объединения), их доверенных лиц и уполномоченных представителей, наблюдателей и избирателей [6, с. 33–38].

Использование служебного положения характерно для первой категории субъектов корруп-

ции в избирательном процессе. Детальная регламентация их деятельности, наличие установленной законом системы запретов и ограничений во многом предопределяет противоправный характер возможных злоупотреблений служебным положением. Однако даже в подобных условиях существует некий правовой «люфт», посредством которого удается придать противоправному действию формально законный характер.

Так, например, в соответствии с пунктом 5 статьи 48 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁴ расходы на проведение предвыборной агитации осуществляются исключительно за счет средств соответствующих избирательных фондов в установленном законом порядке. Это требование в полной мере относится и к публикации агитационного материала в периодическом печатном издании, поскольку СМИ не вправе самостоятельно и безвозмездно проводить предвыборную агитацию в поддержку кандидата и (или) избирательного объединения. Однако главный редактор или журналист, используя свое служебное положение, могут безнаказанно разместить в периодическом печатном издании агитационный материал (посветив ему чуть ли не весь объем печатной площади), публикация которого не была оплачена из средств соответствующего избирательного фонда. В частности, это возможно всего один раз, в силу признака неоднократности, который необходим для признания действий СМИ в качестве предвыборной агитации (пункт 2.1 статьи 48 указанного Федерального закона). Поскольку масс-медиа представляют собой мощнейший рычаг воздействия на сознание избирателей, а их лояльность или ангажированность в период проведения выборов – важнейшее условие достижения желаемого результата [7, с. 50], то рассмотренная выше правовая неопределенность приводит к появлению в ходе избирательной кампании множества «газет-однодневок».

В свою очередь, использование специального правового статуса характерно для второй категории субъектов коррупции в избирательном процессе. К примеру, на практике имеют место случаи подкупа общественных наблюдателей за выборами, совершаемого с целью обеспечить бездействие последних при противоправном вмешательстве в процесс голосования и подведения его итогов. Молчание о нарушениях, как отмечает М.Ю. Куликов, «приносит вред не только конкретным канди-

⁴ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

датам, избирательным объединениям, но и обществу, подрывая доверие последнего к честности и справедливости выборов, а также наносит вред устоям демократического государства» [12, с. 30], хотя формально представляет собой субъективное усмотрение наблюдателя в процессе реализации специального правового статуса. В подобной ситуации провести водораздел между злонамеренным и правомерным деянием позволяет только анализ целевых установок управомоченного лица.

Третий дискуссионный вопрос заключается в установлении последствий злоупотребления правом. Ряд авторов подчеркивают, что результатом реализации субъективных прав «во зло» является не только нарушение прав и законных интересов, но и причинение вреда другому лицу, а также обществу либо государству (А.Р. Акчуринов, М.Ю. Куликов, Д.В. Орлов, И.В. Советников). В качестве видов вреда, причиняемого при злоупотреблении правом, выделяются:

нематериальный вред, выражающийся в создании необоснованных преимуществ одного кандидата и (или) политической партии над другими (получение пожертвований от лиц, которым запрещено вносить денежные средства в избирательный фонд кандидата, при помощи цепочки юридических лиц-посредников);

нематериальный вред, ограничивающий в реализации своих избирательных прав других лиц (использование пассивного избирательного права для продвижения списка кандидатов при последующем сложении мандата после дня голосования);

нематериальный вред, выражающийся в нанесении ущерба всеобщему благу (дискредитация отдельных институтов избирательного права или снижение в глазах общественности уровня легитимности и доверия к выборам) [20].

Существенность последствий причинения нематериального вреда не вызывает сомнений. Вместе с тем, полагаем, что также необходимо выделение и *материального вреда*. В целях его иллюстрации можно привести следующий пример. Одним из видов обеспечения равного права быть избранным в органы государственной власти является государственное финансирование избирательных кампаний кандидатов. Его основной формой считается не *прямое*, то есть непосредственное перечисление средств в избирательный фонд кандидата, а так называемое *косвенное* финансирование, когда всем зарегистрированным кандидатам в соответствии с избирательным законодательством предоставляется бесплатное эфирное время, бесплатные печатные площади, помещения для проведения агитационных мероприятий и так далее. Вместе с тем зачастую зарегистрированные кан-

дидаты используют предоставляемые в косвенной форме финансовые гарантии реализации пассивного избирательного права в целях, не связанных с избранием и служением народу. От их активности в период избирательной кампании в полной мере зависит объем расходуемых средств, выделяемых государством. В связи с чем, логично предположить, что эти средства должны быть направлены на достижение целей избрания по результатам выборов и представления интересов избирателей, выразивших кандидату свою поддержку. Но, к сожалению, это происходит не всегда.

Действующее избирательное законодательство своими положениями обеспечивает формальную правомерность действий, направленных на использование выделяемого государственного финансирования избирательных кампаний кандидатов в корыстных целях. Так, в соответствии с пунктом 4 статьи 48 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» кандидат самостоятельно определяет содержание, формы и методы своей агитации. Кроме того, по результатам агитационной кампании он может вовсе отказаться от участия в голосовании, если это не соответствует целям его участия в соответствующих выборах. Согласно пункту 30 статьи 38 рассматриваемого Федерального закона кандидат, выдвинутый непосредственно, не позднее чем за пять, а кандидат, выдвинутый в составе списка кандидатов, за пятнадцать дней до дня голосования вправе без вынуждающих к тому обстоятельств обратиться в избирательную комиссию с заявлением о снятии своей кандидатуры. Несмотря на то, что данные законоположения дополнительно гарантируют участникам избирательного процесса свободу в реализации своего пассивного избирательного права, в ряде случаев именно благодаря им происходит злоупотребление правом со стороны кандидатов.

Цели использования «во зло» государственного финансирования избирательной кампании кандидата могут выражаться, например, в исполнении определенной роли в ходе избирательной кампании, содержание которой зависит от поведения других участников процесса выборов. Так, некоторые кандидаты участвуют в них исключительно для обеспечения интересов «основного» кандидата, при этом играя лишь «техническую» роль. Нередко для того, чтобы ввести избирателей в заблуждение и «оттянуть» голоса у популярного кандидата, по аналогичному избирательному округу баллотируется кандидат-однофамилец, называемый иначе «двойник». Зачастую кандидат вступает в избирательный процесс в целях повышения узнаваемости

собственной персоны среди избирателей, или, скажем, являясь предпринимателем, для популяризации своей компании или продукта, который она производит.

Учитывая, что такие кандидаты выступают в качестве полноправных участников избирательного процесса, они также получают государственное финансирование на проведение агитационной кампании наравне с остальными. Соответственно, если кандидат выполнял «техническую» функцию и снял свою кандидатуру за несколько дней до выборов, то выделенные из бюджета средства, по сути, оказались потраченными впустую. Это свидетельствует о причинении в ходе рассматриваемых действий материального вреда, оценить который представляется возможным исходя из среднерыночной стоимости бесплатно предоставленных услуг со стороны государственных организаций, осуществляющих выпуск СМИ, собственников муниципального недвижимого имущества и других.

Таким образом, злоупотребление правом, основанное на корыстной заинтересованности упра-

воченного субъекта, несет в себе колоссальную угрозу. В подобной ситуации происходит не просто девиация электорального поведения, а целенаправленное нарушение баланса конституционных ценностей путем злонамеренного использования государственных гарантий избирательных прав граждан, которые по существу имеют прямо противоположное предназначение. На основе проведенного анализа мы приходим к выводу о том, что **коррупционное злоупотребление правом в избирательном процессе** – это формально законное использование субъектом избирательного процесса своего служебного положения (специального правового статуса) в целях извлечения любой выгоды для себя и (или) третьих лиц вопреки предназначению определенного института избирательного права. Указанная модель реализации права не образует состав конституционного правонарушения в силу коррупциогенности норм законодательства о выборах, но вместе с тем неминуемо влечет причинение материального и (или) нематериального вреда другим субъектам избирательного процесса либо избирательному корпусу в целом.

Литература

1. Акчурин, А.Р. К вопросу о злоупотреблении правами участниками избирательного процесса / А.Р. Акчурин // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 5. С. 40–43.
2. Акчурин, А.Р. Злоупотребление правом в избирательном процессе: проблемы противодействия / А.Р. Акчурин // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 11. С. 53–56.
3. Графский, В.Г. Четвертые философско-правовые чтения памяти академика В.С. Нерсисянца / В.Г. Графский, Л.Е. Лаптева, Н.В. Варламова, М.Ю. Пахалов // Право и политика. 2010. № 3. С. 574–601.
4. Дамм, И.А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Дамм Ирина Александровна. Красноярск, 2006. 214 с.
5. Зырянова, И.А. Коррупция в избирательном процессе: понятие и признаки / И.А. Зырянова // Уголовная юстиция. 2014. № 1. С. 97–100.
6. Зырянова, И.А. Основные субъекты коррупции в избирательном процессе / И.А. Зырянова // Мир юридической науки. 2013. № 10–11. С. 33–38.
7. Зырянова, И.А. Основные формы коррупции в избирательном процессе / И.А. Зырянова // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 45–50.
8. Игнатенко, В.В. Подкуп избирателей как коррупционное административное правонарушение / В.В. Игнатенко // Академический юридический журнал. 2014. № 3. С. 24–28.
9. Кабанов, П.А. Электоральная коррупция: осмысление научных подходов к явлению / П.А. Кабанов // Политические партии и выборы: проблемы современности : Материалы всероссийской научно-практической конференции. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2016. С. 399–404.
10. Климова, Ю.Н. Коррупциогенные факторы в избирательном процессе: подходы к определению и алгоритм стратегического управленческого воздействия / Ю.Н. Климова // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1. С. 39–48.
11. Коррупциогенность законодательства: причины, факторы, преодоление : монография / Н.А. Абузярова, В.Ю. Артемов, Б.А. Булаевский и др.; отв. ред. Е.И. Спектор, А.М. Цирин. Москва: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2013. 304 с.
12. Куликов, М.Ю. Злоупотребление избирательными правами избирателями, наблюдателями и иными участниками избирательного процесса / М.Ю. Куликов // Избирательное право. 2015. № 2. С. 25–32.
13. Куликов, М.Ю. Злоупотребление избирательными правами: основные подходы научного определения / М.Ю. Куликов // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2. С. 21–26.
14. Макарецв, А.А. Злоупотребление избирательными правами: понятие, признаки и проблемы правового ограничения / А.А. Макарецв // Юридическая наука и практика. 2011. Т. 7. № 2. С. 22–29.
15. Макарецв, А.А. Злоупотребление избирательными правами: проблемы правового ограничения / А.А. Макарецв // Современное право. 2010. № 6. С. 38–41.
16. Малиновский, А.А. Злоупотребления избирательными правами: вопросы квалификации / А.А. Малиновский // Право и управление. XXI век. 2008. № 1. С. 12–16.
17. Матейкович, М.С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Матейкович Максим Станиславович. Саратов, 2003. 452 с.

18. Орлов, Д.В. Институт юридической ответственности за избирательные правонарушения в современной России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Орлов Дмитрий Викторович. Нижний Новгород, 2007. 259 с.
19. Охотский, Е.В. Социально-правовая сущность и основные признаки коррупции / Е.В. Охотский // Государственный аудит. Право. Экономика. 2009. № 3. С. 25–36.
20. Советников, И.В. Злоупотребления правом в избирательном процессе : монография [Электронный ресурс] / И.В. Советников. Москва: ЧеРо, 2010. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
21. Советников, И.В. Злоупотребления правом в избирательном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Советников Иван Васильевич. Москва, 2006. 195 с.
22. Цыбуляк, С.И. Дефекты конституционно-правового регулирования избирательных отношений в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Цыбуляк Сергей Иванович. Тюмень, 2010. 269 с.
23. Шарнина, Л.А. Злоупотребление конституционными правами и злоупотребление полномочиями: общее и особенное / Л.А. Шарнина // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 12. С. 9–15.
24. Щедрин, Н.В. О необходимости уголовной ответственности за продажу избирателями своих «голосов» / Н.В. Щедрин // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 89–92.
25. Щедрин, Н.В. О совершенствовании законодательного определения коррупции / Н.В. Щедрин // Право и политика. 2009. № 7. С. 1448–1452.

